

Игорь Шестков "Псоу"

Псоу – это желтое абхазское вино. Очень легкое.

«Не бери этот лимонад, – сказал мне Горгия, – возьми лучше Гурджаани».

«От Гурджаани голова болит, – вмешался Сашенька-Комсорг. – Пойдем в горы к абхамам и купим молодого красного вина. Изабеллу».

«Любое вино – кислятина. Портвеша надо взять и делу конец», – пробурчал Валерка.

Я предложил: «Берем сейчас пять Псоу для девочек, десять Гурджаани для нас и специально для Валерки – пять фугасов».

Никто не возражал. Горгия проворчал: «Как можно пить этот лимонад, эту сладкую мочу?»

Миша Маленький заплатил из общего кошелька. Еще и на пару хачапури с сыром хватило. Разделили по-братски, съели и пошли в лагерь. Несли так: Горгия и Сашенька несли каждый по пять бутылок Гурджаани. Я – Псоу. Валерка – фугасы. А Миша Маленький ничего не нес. Он был аспирант-математик. А математикам бутылки нельзя доверять.

Вино мы брали для вечера. У Ниночки был день рождения. Договорились идти в шалман в первом ущелье. Его хозяин обещал сделать шашлыки.

«Зарежем барашка. Лаваш и помидоры бесплатно дам. Столики поставим на пляже у моря. Будете сидеть как боги! А вино свое несите».

В спортивном лагере был сухой закон. Начальство боялось, что «все перепьются и станут неуправляемы».

Жара в тот июль в Пицунде стояла дикая. Днем и ночью – тридцать шесть градусов. Уже пять дней – ни ветерка. И влажность такая, что развешенное на балконе белье за ночь становилось мокрым. Но нам было все равно. Молодость! Самому старшему из нашей компании, Мише Маленькому было двадцать два. Всем остальным и девятнадцати не было. Жара – так жара. Влажность – так влажность. Гога Жуткий говорил: «Люблю, когда тепло!» – и спал на пляже. Ноги в воде, голова на суше.

На море стоял мертвый штиль. Купаться днем было противно, такой теплой

была вода. Студенты называли ее презрительно – «чернила». Черное море называли «лужей».

Вечером все собрались в шалмане. Как и было обещано, прямо у моря стоял длинный стол. На столе – алюминиевые вилки, стаканы, тарелки и два больших блюда с помидорами и лавашем. Мы достали бутылки, расселись. Горгия разлил вино и провозгласил тост за здоровье новорожденной. Посмотрел на Ниночку масляно. Он на всех женщин так смотрел. Чокнулись, выпили, расцеловали Ниночку. Я поцеловал Ниночку, потом Ниночкину подружку Верочку, которую Ниночка звала Лапочкой. Ниночка говорила: «У Лапочки очень стройные ножки... На нее все мальчишки смотрят». А потом Таню.

Ждали шашлыка. Наконец он появился. Хозяин шалмана принес в двух руках огромные похожие на шпаги шампур. От больших, до красноты зажаренных, кусков баранины шел ароматный пар. Хозяин снял мясо с шампуров, положил на тарелки. Мы начали есть. Шашлык легко жевался. Помидоры были сладкими. Лаваш макали в помидорный сок, в котором плавали укроп, петрушка и белые колечки лука.

Вначале я пил Гурджаани. Потом крепленое. И только, когда уже был пьяный – Псоу. Это называлось – сделать ассаже.

Хозяин включил магнитофон. Опера. Кикабидзе пел: «Я пьян от любви!»

Валерка заговорил, обращаясь к девушкам: «Не ходите, дети, в Африку гулять... Знайте – на большом дереве, что перед воротами лагеря, сидит Гога Жуткий. С утра сидит. Когда девушка мимо проходит, Гога свистит соловьем. Я, говорит, не Гога, а Соловей-разбойник...»

Миша Маленький ничего не понял и спросил: «Этот Соловей что, из Африки?»

«Нет, он с журналистики».

«А что он на дереве делает?»

«Сидит».

«Гога харашо жизнь панимает, – добавил Горгия. – Я би тоже на дерево палез, если б на журналистике учился. Там вед адни девачки... Им гавариш – пады суда, а ани тебе – идыот».

Миша Маленький понес чушь: «И я хочу на дерево. К Гоге. В Африку. Вместе будем свистеть... Как соловьи. Димыч, полезем?»

«Я не против, только для начала искупаться хочу. И тебе советую».

Скинул одежду и вошел в воду. Несколько шагов было до воды, но я умудрился по дороге два раза споткнуться.

«Димыч нахрюкался», – сказал кто-то.

Остальные тоже полезли «в чернила». Как назло у берега было много медуз.

«Медузы!» – закричали Ниночка и Верочка.

Таня вошла в море не спеша, вкрадчиво, как кошечка.

«Вада как в тбилисских банях. А мидузами можно как мылом мыться», – заявил Горгия и поплыл брассом, отфыркиваясь.

Комсорг Сашенька заревел по-медвежьи, попытался руками пробить себе дорогу к чистой воде. Шумел и брызгался.

«В Африке большие злые крокодилы!» – провозгласил Валерка, снял свои толстые очки, положил их на одежду и нырнул – попытался проплыть под медузами. Это ему не удалось – он вынырнул метрах в пяти от берега, жадно глотнул воздух широко раскрытым ртом и поплыл, смешно махая руками.

Миша Маленький вообще в воду не полез. Он был щуплый и болезный. Ему везде и всегда было холодно. Даже в кавказскую жару. Он говорил: «Мои древние кости согреются только на холме Сион». За это его иногда звали – «сионист проклятый».

Купались долго. Подныривали под девчонок – пугали. Девушки визжали.

Валерка вертелся вокруг Тани. Это мне не нравилось.

Потом вышли из моря, обсушились и опять сели за стол. Я сел рядом с Таней.

Обнял ее. Тихонько поцеловал в шею. Она посмотрела на меня нежно. И поцеловала в нос. Засмеялась.

Я сказал: «Что-то Валерка все около тебя вертится».

«Не ревнуй, бесполезно».

«На обратном пути отстанем от всех и посидим на скалах?»

«Почему бы и нет?»

«Ты что сегодня весь день молчишь? Жизнь прекрасна! И я с тобой».

«Ты – милый, но мир на тебе не сходится. Димыч, я болею».

«Аааа».

«Да. Да».

«Но в губы-то тебя поцеловать можно?»

«В губы можно, а больше ничего нельзя».

«Понимаю».

«Ничего ты не понимаешь, дуралей. Я тебя люблю!»

«А я – тебя. Жизнь прекрасна!»

«Вот заладил».

Сашенька явно перебрал. Громко разлагольствовал: «Да, я – комсорг. А вы все – комсомольцы. Кому вся эта мутотень нужна – что, мне? Мне нужна – баба, а не комсомольская организация. А бабы все кто? Комсомолки. А комсорг – кто? Я. Логично? Димыч, ты у нас по девушкам спец, скажи, логично или нет?»

«Логично, только ты больше из фугаса не пей, а то тебя нести придется».

«А надо будет – и понесешь. Руки не отсохнут».

«Отсохнут».

Тут в спор вмешался Горгия. Он сказал: «Ты, Сашенка, не к Димычу, а ко мне обратись за помощью и советом. Я тебе дэвушку найду. Хочешь бландинку, хочешь бранетку. Их так много везде, дэвушек. И все – камсомолки. Очень нэжные. Только не журналыстки».

Ниночка обиделась за журналисток. Возразила: «Что ты к журналисткам привязался. Они очень умные. Начитанные».

Верочка-Лапочка вторила подруге: «И красивые».

Горгия процедил сквозь зубы: «Прадажные все...»

Пьяный Валерка задолдонил: «Они будут вас кусать, бить и обижать. Не ходите дети в Африку гулять! В Африке гориллы...»

Миша Маленький влез с комментарием: «В Африку без визы не пускают. А визу хрен кому дадут. Ах, хорошо в стране советской жить!»

Сашенька-Комсорг услышал это и взорвался: «Сионист проклятый! Ты меня не провоцируй! Думаешь, я не понимаю тебя? Думаешь, я глупее всех? Нетушки. Знаю я вас! Умники! Вам не понравилось, вы – тю и нету вас. А я родился в Можайске. Где одни блатары да дебилы. Я русский человек. И учусь на экономфаке Московского университета! И советскую власть люблю... Была бы ваша власть, вы бы меня сожрали. Всех бы нас сожрали...»

Тут он перестал говорить, завсхлипывал. Потом посмотрел на щуплого Мишу и

добавил: «Ну ладно, Мишан, не серчай, это я так, заврался слегка... Димыч, налей мне красного!»

«Я же говорил, что тебе хватит».

«Ничего не хватит».

Стемнело. Хозяин шалмана зажег две свечи. На них сейчас же прилетели какие-то мушки. Мы пошли в лагерь.

Я шел с Таней в обнимку. Горгия любезничал с Ниночкой и Верочкой.

Рассказывал им какие-то байки из своей тбилисской жизни. Сашенька-Комсорг шел один, бормотал про себя. В темноте он был похож на большую белую колонну. А Миша Маленький завел с Валеркой бесконечный спор о том, кто лучше думает – математики или физики (Валерка был с физ-фака.) «У математиков мозги закомпостированы», – напаял Валерка.

«Зато мы можем логично думать», – парировал Миша.

На середине пути мы с Таней действительно отстали. Нашли ровное место на корявых, поросших водорослями, скалах. Сели. Смотрели на ночное море, напоминающее огромную чернильницу. В лагерь пришли, когда горизонт был светлый и «первые золотистые лучи Солнца уже осветили вершины гор». Я пошел в наш коттедж, где жил в одной комнате с Валеркой, Мишей, Сашенькой и Горгия. Таня ушла в свою комнату.

«Ниночка и Верочка, – рассказывала она потом. – Дрыхли без задних ног».

И вот что странно – когда мы входили в лагерь, с большого дерева, стоящего недалеко от ворот, доносился свист и слова популярной тогда песенки: «А меня укусил гиппопотам, я от него на дерево залез, и вот сижу я здесь, а нога моя там, гиппопотам уходит в лес...»

Кто-то пел и свистел. Неужели Гога? Надо будет его завтра спросить, подумал я, засыпая. Но так и не спросил.

«Завтра» наступило неожиданно быстро. Как будто ты положил голову на подушку, а через мгновение – уже надо вставать. Миша Маленький разбудил всех – надо было идти на физзарядку. Я не пошел, зная, что за это может последовать наказание – внеочередной наряд на кухню или что-либо другое в этом роде. Советская система все, что могла, превращала в подобие армии или тюрьмы. Студенческая жизнь в спортлагере не была исключением. Никаких

результатов это неослабевающее давление не приносило, зато жизнь отравляло.

Возможно это и был главный результат.

Валерка тоже не пошел на зарядку.

Спросил: «Димыч, у нас есть еще горючее?»

«Достаточно. Два фугаса не початых. Бутылен Гурджаани и пара Псоу».

«Дай мне этого твоего Псоу хлебнуть. Как ты говоришь, сделаем ассаже?»

«Ассаже».

Откупорили Псоу и выпили. Вкусно! Настроение сразу улучшилось.

Я сказал: «Пойдем в воду, пока не жарко».

«Чернила!»

Мы вышли из коттеджа и задним путем вышли на пляж. Там еще не было никого. Вошли в воду. Медузы пропали. Я отплыл метров сто от берега. Начал кувыркаться в воде как парашютист в воздухе. Блаженство! Утро теплое. Небо голубое. Вода сверкает, лучится. Плынешь как в бриллиантах. Пьяный. И наплевать на все. Ты часть волнующейся от счастья голубой вселенной. Плыви, ныряй, вертись! Позволь воде промыть твои поры, охладить гениталии, освежить щеки и плечи.

Тут до меня долетел голос Валерки. Он кричал: «Димыч, Димыч, я берега не вижу!»

Подплыл к нему. Взял за плечо. Указал направление. Валерка уплыл.

Благополучно достиг берега. Плавал он ничего, только видел плохо. Вышел на пляж, надел очки. Помахал мне рукой.

Я опять начал кувыркаться – попытался еще раз ощутить экстаз существования.

Но блаженство не приходило. Море было только морем. Вода – водой. Чернила в луже.

После завтрака решили пройтись по ущелью Бабы Яги.

Горгия отказался. «Что я ущелий не видел? А с Бабой Ягой я бы лучше в шалмане пасидел. И кроме таго, ко мне сегодня гости приедут».

Сашенька тоже не пошел. Он намылился идти к Володе, отшельнику, уже долгие годы живущему в Абхазии натуральным хозяйством. Ушел сразу после завтрака.

Прихватив двадцатилитровую канистру.

Остальные отправились к Бабе Яге. С собой мы взяли только воду в фляжке, да

десяток кислых яблок. Шли прямо по речке. Глубиной она была сантиметров десять. Шириной – метра три. Речка текла по дну ущелья, которое становилось тем уже, чем дальше мы уходили от берега моря.

Идти в тени было очень приятно. Пресная розоватая вода освежала босые ноги (кеды или сандали мы несли на плечах). Шли мы очень медленно, чтобы не пораниться о камешки. Брызгались. Травили анекдоты.

Мишенька рассказал свой коронный анекдот. Помнится, начинался он так – вот, сидят вокруг костра Чапаев, Винни Пух, Брежнев и Хошимин и спорят, кто из них еврей, а кто нет...

Валерка рассказал анекдот про корову на березе.

Ниночка и Верочка обсуждали с Таней свои факультетские сплетни (они учились в одной группе на филфаке). Хихикали. Лапочка возбужденно рассказывала: «Ну Турбин и пригласил ее домой. Она решила – это он за ее талант. А он любит узкие бедра...»

Я шел и не думал ни о чем. Смотрел на чистую водичку, на забавные цветные камешки. На колючие лианы, тянущиеся по стенам ущелья. Мне было весело. Мысли роились где-то в стороне, как мухи. Голова была блаженно пуста.

Я подошел к Валерке.

Спросил: «Слушай, а что там, на дереве, действительно Гога сидит? Вчера ночью там кто-то свистел и песню пел». Гога был соседом Валерки по общежитию.

«Про гиппопотама?»

«Про него».

«Значит, точно он. Иногда целый день поет. Говорит – это мне учиться помогает.

Он жуткий, что с него взять?»

«А ты что поешь?»

«Я ничего не пою. У меня голоса нет, – и тут же запел. – В Африке большие злые крокодилы... будут вас кусать...»

«Он про гиппопотама, а ты про крокодилов, все вы шизанутые!»

«Это точно».

«Посмотри, или у меня ум за разум заходит или речка глубже стала».

«Ты прав Аркадий!»

«Без булды!»

«Ну да, вроде глубже. И хрен с ней».

«Если в горах гроза, мы ее тут даже не услышим. А в речке уровень поднимется за полчаса на пять метров! Надо выход из ущелья искать. Пока не поздно».

«А меня еще шизанутым называешь! На пять метров. Ни в жизнь не поверю!»

Я знал, что говорил. Попытался уговорить остальных. Все нехотя, но согласились. Вода прибывала. Когда мы, наконец, нашли сухое русло ручья, по которому можно было вскарабкаться и уйти налево от ущелья, вода была уже по колено. И течение стало быстрее. Я нервничал, начал всех подгонять.

Миша сказал: «Димыч, может быть в гору не попрем, а просто по речке назад... а?»

«На это у нас нет времени. Почему вы мне не верите? Тут такое через четверть часа начнется! Костей не соберешь!»

«В Африке гориллы!» (Валерка)

«Димыч всегда все лучше всех знает!» (Таня)

«Баба Яга придет, водичка поднимется, а мы как воздушные шарики поплывем.

Хи-хи-хи!» (Ниночка и Верочка)

«Злые крокодилы!» (Валерка)

В этот момент природа пришла мне на помощь.

Вначале истошно закричали девушки. Потом Валерка ругнулся. Миша закричал: «Бррр!»

По речке несло раздувшийся труп собаки. Его поднесло прямо к стройным ножкам Верочки-Лапочки. Она стояла, закрыв лицо руками. Труп ткнулся раскрытой в гримасе смерти пастью прямо в изящное колено. Лапочка вскрикнула, дернулась, оттолкнула труп и неожиданно ловко полезла по руслу ручья в гору, хватаясь за свисающие лианы и корни. Остальные последовали ее примеру.

Минут через десять, потные и грязные, мы вылезли на небольшую террасу, с которой наше ущелье было прекрасно видно. Привели себя в порядок. Обулись. Уселись. Попили воды. Стали яблоки грызть.

Хорошо видны были и горы, возвышающиеся примерно в десяти километрах от нас. И величественные грозовые тучи. Вскоре мы услышали нарастающий шум.

По-видимому, где-то прорвало естественную плотину и грязевая волна неслась по ущелью, волоча с собой деревья и камни. Шум постепенно превратился в грохот. Ущелье – в скрежещущий ад. Уровень воды поднялся по крайней мере на три метра. Вода была уже не водой, а текущей землей, тяжелой и страшной. Стало ясно, если бы она нас накрыла – всем был бы конец. Девушки притихли. Надо было думать, как домой идти. Я знал, как. Но не хотел разряжать раньше времени атмосферу. Хотел помучить. Скорчил трагическую мину и сказал: «Ну все, мы от цивилизации отрезаны!»

«Димыч, что ты говоришь?» – сказала Ниночка.

«Пугаешь только».

«Нет, отрезаны! И всем капут!»

«Ох, не ходите дети в Африку гулять!» – пропел Валерка.

Таня встала, подошла ко мне, обняла и демонстративно поцеловала. Потом промурлыкала: «Димыч, мы все тебя любим, твое превосходство признаем и смиренно просим нас простить и вести домой».

«Лицемеры! Собачку видели? Всем капут!»

«Сусанин!»

Подурачились и стали дальше карабкаться. Вышли на тропинку, ведущую к морю по холмам. И через два часа были дома. Пришли, сполоснулись в лагерном душе, поели в столовой и только тогда заметили, что погода переменилась – дул свежий ветер, Солнца не было видно из-за быстро бегущих по небу облаков, море волновалось, по нему катились полутораметровые волны, синева его прерывалась то тут, то там белыми барашками.

Сашенька свою программу выполнил на сто процентов. Был у Володи «на ранчо». Купил вино. Пробовал его вместе с Володей. Как гость был допущен до черешневого дерева. Притащил на себе не только полную канистру, но и пластиковое ведро черешни, хотя и был «пьян как обезьяна». Отоспался и был готов для дальнейших подвигов.

«А где мегрельский князь?» – спросил я у Сашеньки. Горгия в разговорах с нами часто намекал на свое княжеское происхождение.

«Он арестован и сидит в милиции в Пицунде».

«Да ты что? Как это – арестован? За что?»

«За изнасилование студентки исторического факультета».

«Ты откуда знаешь?»

«Меня Фантомас (так за глаза называли начальника лагеря) для переговоров вызывал. Возил в Пицунду. Они там все сидят и гонца с деньгами из Тбилиси ждут».

«Какого гонца, ты что, Комсорг, перепил чачи?»

«Иди ты знаешь куда? Горгия скоро приедет и сам расскажет».

«Ну, дела...»

Горгия действительно скоро появился, «оскорбленный в лучших чувствах».

«Аскарбили, аскарбили и апарочили! Я ее даже не патрогал!» – восклицал он. Я попросил его успокоиться и не вываливать все сейчас, а подождать пока все соберутся.

Собрались. Посовещавшись, решили отойти от лагерного пляжа метров на двести. Так и сделали. Нашли укрытое скалами от ветра место, постелили несколько одеял, развели крохотный костерчик. Топили плавником.

Попросили Горгию рассказать все «с самого начала и ничего не пропуская».

С ним во время нашего отсутствия произошла типично кавказская история.

Привожу его рассказ без грузинского акцента:

«Приехали ко мне гости сегодня из Тбилиси. Знакомые отца. На Волге. Только на один день. Трое. Ты тут знаешь все, говорят, найди нам блондинку.

Студентку. И чтобы попышнее. И тут чтобы было и там (Горгия показал на грудь и на зад). И чтоб по-настоящему дала. А мы купим груши и чачу. А я тут знаю одну. Студентка истфака. Марина зовут. Блондинка. И вроде на все готова.

Поговорил с ней. Показал ей Волгу. Груши показал. Познакомил с гостями.

Отъехали по дороге. Недалеко. Нашли тень. Вышли, разложили ковер. Начали пить и веселиться. Марина опьянела. Одному гостю дала. Он доволен. Другому.

Он тоже доволен. Третьему. Я тоже хотел. Но тут... Тут недалеко от нас, в кустах появился... Как его, ну этот, активист. Физкультурник. Алексей Петрович. Стоит и смотрит. А мы все голые. Чего он по горам ходит, людей пугает? Этот

Петрович – доцент на истфаке. Он Марину узнал. И она его узнала.

И испугалась, что донесет. Схватила свои вещи и закричала: «Меня изнасиловали, меня изнасиловали!»

Подбежала к Петровичу. И отправилась вместе с ним – к Фантомасу. Фантомас милицию вызвал. Милиция нас тут же нашла. Отбуксировали Волгу в лагерь, а нас всех забрали и к абхазам в Пицунду отвезли. Сидим мы в милиции. Входит завотделением. Что, говорит, попались... В тюрьму все сядете. Или как джентельмены дело уладим?

Мы говорим, лучше как джентельмены. Я, продолжает, эту дуру припугнул следствием, она согласна пятьсот взять и все забыть. Только доцент ничего знать не хочет. Доцента сами уговаривать будете. А мне и моим людям за хлопоты – четыре тысячи. Сегодня – четыре. А завтра будет – десять. Наличными.

Гости звонили в Тбилиси, деньги будут поздно вечером. Все трое еще там сидят, гонца ждут. А меня отпустили, чтобы я с доцентом поговорил. Доцент долго артачился. Потом сказал, буду молчать, но ты меня на неделю в Тбилиси пригласи. Теперь надо будет этого козла у мамы принимать. Вот как было».

Валерка сказал назидательно: «Не ходите дети в Африку гулять!»

Кто-то спросил: «А Марина?»

«Ее завтра в Москву отправят».

«А гости?»

«Гости пьют в милиции с завотделением. А завтра в Тбилиси уедут. Хватит, погостили!»

Я сказал: «Самое время Изабеллы попробовать! Только чур – прямо из канистры».

Мне за инициативу и вручили первому канистру. Сашенька ее поддерживал. А я пил. Терпкое вино обдирало горло. Заглянул внутрь канистры. Там было темно, по поверхности вина ходили темно-красные волны.

На двадцатом глотке я отпрянул от канистры. Вино натекло по подбородку на майку. Закружилась голова. Я полез на скалу, проветриться и посмотреть на море.

Море бушевало. В темноте волны представлялись огромными, увенчанными пеной, поднимающимися и опускающимися буграми.

Через несколько минут все ребята были пьяные (девушки пили не много). Мне захотелось погеройствовать.

«Вы как хотите, а я купаться хочу. Кто со мной?»

«Ты что, сдурел?»

«Ночью, в шторм! Мы тебя и спасти не сможем».

Один Валерка принял вызов. «Я пойду, но ты должен быть рядом, а то я берег потеряю. Очки тут оставляю».

Меня было досадно. Опять не удастся показать Тане, какой я герой. Ведь Валерка рискует в десять раз больше моего.

«Мальчики, вы что, с ума сошли? Валерка, ты что?» – воскликнула Таня, когда мы встали. Меня резануло – какую она о нем заботу проявляет!

Мы отошли от скал, вышли туда, где был ровный мелкогалечный пляж и вошли в пенящуюся воду. Секрет купания в шторм прост – надо умело зайти, отплыть подальше, туда, где волны покатые, наплаваться и выйти в редкую минуту сравнительного затишья. Все это мы обсудили с Валеркой до купания.

Дождались слабой волны и быстро, прорубив ее головой поплыли от берега. Я плыл рядом с Валеркой и все время подавал голосом сигнал. Все было бы хорошо, если бы Валерка мог также быстро плавать как и я. Но он плыл медленно. И подныривать под волну просто не успевал. Поэтому попадал прямо в пекло – в закручивающийся гребешок. Глотнул соленой воды. Закашлялся. Еще раз глотнул. Захлебнулся. Начал тонуть. Я взял его за локоть и потащил к берегу. По дороге нас два раза било падающими гребешками. Один раз я даже Валерку потерял, но, к счастью, быстро нашел. Выйти тоже удалось сравнительно благополучно – я отделался двумя царапинами. У Валерки царапин было больше. Но он не жаловался. Откашлялся. Царапины затер руками.

«Пришли, герои!» – объявила Таня, увидев нас.

«А вот вам штрафную из канистрочки», – провозгласил Сашенька.

Я шепнул Валерке: «Знаешь, если бы мы не выплыли, они бы этого даже не заметили».

Он ответил тоже тихо: «Это, может быть, и не плохо».

А потом пропел хриплым голосом: «Не ходите дети в Африку гулять!»

Костер еще горел. Ниночка и Верочка ушли спать. Комсорг дремал. Мишенька солировал. Он говорил с легким еврейским акцентом: «Я родился в Кишиневе. Ты, Димыч – москвич. Ты не знаешь, что значит жить в провинции... Мои

родители жили как в девятнадцатом веке. Тети, дяди, братья, сестры, кузены, бабушки, дедушки – и все аиды. Никто в синагогу не ходит, даже на идише никто не говорит, но все обсуждают, сколько в том и в том еврейской крови. Когда кто уехал и куда. А потом разъехались все. Кто в Израиль, кто в Штаты, кто в Канаду. Папа не поехал – он коммунист, отставник. И Сталина и Хрущева и Брежнева любил. Мама – бухгалтер.

В детстве я все время болел. В школе учился плохо. Потом попал в математическую школу. Открыли тогда в Кишиневе. Получил первое место на олимпиаде. Послали на международную. Там я занял третье место. Поэтому меня, еврея, взяли на мехмат. Без экзаменов. А ты, Димыч не еврей?»

«Я – на половину».

«То-то я чувствую...»

В Тане вдруг проснулось чувство гражданской ответственности. Волнуясь и сверкая глазами, она воскликнула: «Что же по-твоему, евреев на мехмат не берут? Специально на экзаменах режут? И это в нашей советской стране?» Мишенька печально ответил: «Да, Танечка, именно так, в нашей советской стране».

«Неправда! Это вражеские голоса слухи распускают! Тебя же приняли. Я еще троих знаю. А ты говоришь – не берут!»

Тут проснулся Комсорг. Не поняв спросонья, кого не берут, куда не берут, бухнул: «Не берут и правильно делают!» Сказал и опять уснул.

«Ведь они гориллы, злые крокодилы, будут вас кусать, бить и обижать!» – пропел Валерка.

«Валерка, не мучай своими кракадилами! – сказал вдруг Горгия. – Грузинов тоже не берут! Поэтому я в ректарате марынуюсь!»

«И грузинов берут и всех! – закричала Таня. – Ты на экзаменах провалился!»

Горгия парировал: «Я на журналистику хател. Не взяли. Не прашел по конкурсу. А ани все прашли!»

Тут Горгия сделал жест рукой, означающий – все они, плохие, прошли, а он не прошел.

«Не ходите дети в Африку гулять!» – призвал Валерка.

На следующий день вечером решили все вместе идти ночью купаться. В десять все были на пляже. Все, кроме Валерки. Он еще утром куда-то делся. Никто его не видел.

Море было спокойно. Ночь – чудо. Мы с Таней оторвались от остальных.

«Димыч, ты все знаешь. Как ты думаешь, мы будем встречаться в Москве? В Москве все не так, как тут», – спросила Таня.

«Не знаю. Я думаю – будем. Только вот от меня до тебя ехать далеко... Если я тебя после кино буду провожать, то на метро не успею».

«Ты сегодня какой-то не романтичный. Посмотри на звезды. Расскажи что-нибудь. Почитай стихи...»

«Как зеркало своей заповедной тоски, свободный человек, любить ты будешь море... Нет не могу, лучше спою тебе гогину песню про гиппопотама или валеркину про крокодила... Кстати, куда он подевался, ты его не видела?»

«Утром еще был. А потом пропал. Может с Гогой на дереве сидит?»

«Все может быть».

Мы приплыли на берег. Пошли на скалы.

На утро будит меня Комсорг. «Димыч, вставай, Валерка утонул!»

«Как утонул, кто утонул?»

«Валерка. Валерка утонул! Просыпайся скорее, мы в Пицунду должны ехать, труп смотреть. Милиционер сказал, что он плавал и берег из виду потерял. Искал, искал и не нашел. Так и плавал кругами, пока из сил не выбился. Сердце сдало. Он захлебнулся и утонул. Тело ночью нашли, на мысу у корпусов. А утонул он еще утром. Так что, когда мы ночью купались и ты Таньку щупал, его труп где-то рядом плавал...»

Тут только до меня дошло. Сердце болезненно сжалось. Как будто в небе открылась страшная черная дырка. И вся наша жизнь в эту дырку полетела. Мы ехали на газике по пыльной дороге, потом по асфальту. В голове у меня стучало: «Не ходите, дети... Не ходите, дети... В Африку... В Африку... В Африку».

То, что мы увидели на цинковом столе не было похоже на Валерку. Так раздуло утонувшего.

Комсорг сообщил, что Фантомас просил его и меня встретить мать Валерки, прилетающую вечерним рейсом в Адлер.

Поездку в Адлер и душераздирающую сцену во время второго опознания трупа я описывать не хочу.

Жить в Пицунде нам оставалось еще неделю. Мы по-прежнему пили из канистры по утрам. Ходили к Володе за вином. Я сидел по вечерам с Таней на скалах. И так до самого отъезда. Один раз пригласили выпить с нами Гогу Жуткого. Гога хлебнул и запел: «Ну а меня укусил гиппопотам...»